

Пролог

Уильям Сомерс — Кэтрин Кэри Ноллис

Кент, Англия. 10 апреля 1557 года

Дорогая Кэтрин.

Я умираю. Вернее, близится мой смертный час — тут есть легкая (хоть и неутешительная) разница. А именно: умирающий уже не может писать письма, в то время как осознающий неизбежность скорой своей кончины еще способен взяться за перо. Что и доказывает сие послание. Милая Кэтрин, не спешите возмущаться и протестовать. Мы давненько не виделись (сколько уж лет минуло с тех пор, как вы отправились в изгнание в Базель). Сейчас вы не узнали бы вашего старого знакомого. Я и сам-то нынче с трудом узнаю себя, когда опрометчиво разглядываю собственное отражение, — подтверждая сим, что суетность живет в нас едва ли не до последнего вздоха. Себялюбие мы обретаем чуть не с колыбели и не расстаемся с ним до гробовой доски. И вот я, успешно и прибыльно для себя высмеивавший перед государем кичливых придворных, нынче сам поддаюсь известному людскому пороку и пялюсь в зеркало тщеславия. И на меня оттуда тарачится незнакомый старикан бесспорно непривлекательной наружности.

Но мне ведь стукнуло четверть века, когда ныне покойный король Гарри (тогда еще в расцвете молодости) приблизил меня к себе. А минуло уж десять лет с тех пор, как он покинул сей мир, и именно последние дни его пребывания на земле подвигли меня на сие письмо. Позвольте перейти прямо к делу. Вам известно, что я никогда не отличался чрезмерной чувствительностью. (По-моему, как раз эта черта и нравилась Гарри во мне более всего, поскольку сам он являлся образцом неисправимой сентиментальности.) Мне хочется передать вам небольшое наследство от вашего отца. Я знал его достаточно хорошо, даже лучше, чем вы сами. Он был замечательным человеком, и, полагаю, его краине не хватает даже прежним его недругам.

Что до меня, то я мирно живу в кентской деревушке. Она находится достаточно далеко от Лондона, и это в некоторой степени защищает меня от ложных обвинений, однако расстояние до столицы не столь велико, чтобы я не услышал о наветах против иных придворных особ. В Смитфилде запылали очередные очистительные костры, вероятно, до вас уже дошли сведения о том, что там поджарили Кранмера, Ридли и Латимера¹. Как же Мария, должно быть, ненавидела Кранмера! Припомните те времена, когда ей приходилось торчать рядом с ним на религиозных церемониях, особенно на таких, к примеру, как... крещение Эдуарда, где ее буквально вынудили нести Святые Дары! Любезный Кранмер — уступчивый духовный наставник Генриха. Если и был в нашем кругу сомнительный кандидат для мученичества, так это именно он. Мне раньше казалось, что сей смиренный начисто лишен совести. Теперь я понимаю, как ошибался. Известно ли вам, что сначала он в своей типичной манере отрекся от протестантизма, а потом — о чудо! — от своего же отречения? Это могло бы показаться забавным, если бы не смертоносные последствия.

Но как же удачно, что вы и сторонники ваших... убеждений заранее почували дым костров и благоразумно убрались из Англии подальше. Я задам вам вопрос, понимая, что вы не сможете ответить на него, да еще в письме, если надеетесь когда-нибудь вернуться на родину. А именно: насколько вы сочувствуете протестантскому вероучению? Вам известно, что покойный король никогда не считал себя приверженцем этой доктрины и оставался убежденным католиком, хотя поссорился с папой, отказавшись признать верховную власть Рима. Ловкий ход, впрочем у Гарри были свои причуды. В дальнейшем сын его, Эдуард, почтительный юный ханжа, стал протестантом. Но не таким иступленным, как анабаптисты. А вы одобряете их крайние взгляды? Если одобряете, то в Англии вас не поймут, разве что Елизавета сядет на трон и тогда соизволит пригласить вас ко двору. Вам лучше осознать это и не тешить себя напрасными надеждами. Однако придет время, и вы снова ступите на британскую землю, если не будете поддерживать анабаптистов или прочих неумеренных еретиков.

Англия никогда больше не вернется к старому католицизму. Королева Мария с присущей ей испанской одержимостью позаботилась об этом, устроив кровавые преследования во имя «истинной веры». Гарри в свое время карал лишь изменников короны. Поскольку, подписав

¹ Томас Кранмер (1489–1556), Николас Ридли (ок. 1500–1555), Хью Латимер (ок. 1487–1555) — известные деятели английской Реформации. После восстановления католицизма при Марии Тюдор сожжены как еретики. — *Здесь и далее примеч. перев.*

присягу верности Тодорам, вы можете верить во все, что пожелаете, конечно не забывая о приличиях и не вызывая излишнего сочувствия тем или иным мятежникам. Томаса Мора обезглавили не за преданность католической вере (хотя католикам хотелось убедить людей в том, что он стал святым мучеником, и они вполне преуспели), а за отказ присягнуть на верность королевской династии. Все его домочадцы подписали присягу. А Мор геройствовал, жаждал мученичества и... утолил в итоге свою жажду. В сущности, он вынудил короля казнить его. Добился, с позволения сказать, небесного венца, коего желал так же страстно, как Генрих Анну Болейн. Гарри обманулся, воображая совершенства объекта своего вожделения; будем надеяться, что Мор не разочаровался подобным образом, достигнув желаемого.

Я заблужся. Не следовало столь откровенно высказываться перед вами. Вы ведь уповаете на защиту Обители горней... Все верующие одинаковы. Они заняты поисками... Как бишь назвал Мор свой роман?.. Поисками Утопии. А это, знаете ли, в переводе с греческого означает «несуществующее место».

Как уже упоминалось, теперь я тихо живу в Кенте в доме моей сестры вместе с племянницей и ее мужем. У них здесь небольшой особняк, а Эдвард служит — не уверен, стоило ли это писать, — могильщиком и занимается резьбой по камню, изготавливая надгробные памятники. И занятие сие прилично оплачивается. (Ничуть не хуже, чем мои каламбуры.) Кроме того, как все нормальные люди, он успевает возделывать свой сад (в прошлом году у нас цвели замечательные розы), играть с детьми и любит вкусно поесть. Глядя на него, совершенно не скажешь, что ему приходится иметь дело... с теми, кто обрел вечный покой. Одно удивляет: как он смиряется с такой судьбой? Впрочем, по-моему, шутовское ремесло равно связано со смертью. Во всяком случае, оно так же позволяет скрыть ее гнилостный запах.

Я прибыл в Кент еще до коронации Эдуарда. Наш юный король и его благочестивые советники не нуждались в шуте, и я мог плыть куда угодно, словно парусник по ветру. При дворе королевы Марии шутки тоже считаются неуместными.

Помните ли вы, Кэтрин, то лето в Хевер-кастле, когда мы собирались там все вместе во главе с королем? Вас и вашего брата Генри привезли тогда в эту резиденцию Болейнов в гости к бабушке и дедушке. Влетнюю пору Хевер поистине великолепен — пышина зелень, приятная прохлада. А мускусные розы в его садах почитались лучшими во всей Англии. (Вы, часом, не припомните имя садовника вашей родни? Я проживаю недалеко и надеюсь, что он смог бы помочь мне кое-какими советами... ежели пребывает еще в добром здравии.) Какой чудес-

ной была дорога из Лондона до Хевера! Мы ехали верхом. Король обычно останавливался на холме, с которого открывался вид на замок, и оглашал окрестности пением своего охотничьего рожка. И вы, услышав эти желанные звуки, бежали ему навстречу. Он всегда привозил вам подарки. Вы ведь первая внучка Болейнов.

А что выделял ваш дядюшка Джордж! Помните? Он изо всех сил старался выглядеть благородным рыцарем и с упорством готовился к турнирным состязаниям: скакал на лошади, вырядившись в тяжёленные рыцарские доспехи, и то и дело натёкался на деревья. Помимо прочего его угораздило влюбиться в одну слезливую красотку из «Белого оленя». По-моему, её благосклонностью пользовались все завсегда этой таверны, за исключением бедняги Джорджа. Она с видом знатока пыталась остановить поток его сонетов, в коих он восхвалял её непорочность и красоту, хотя с удовольствием посмеивалась над его пылкостью.

Разумеется, в родовые владения наезжали и ваша матушка Мария с супругом. Я неизменно считал, что она с лёгкостью затмила бы свою сестру Анну красотой. Правда, природа одарила их по-разному. Мария походила на ясное солнышко, а её сестра — на таинственную полночную луну.

Все мы наслаждались тем дивным летом, не подозревая, что грядут ужасные перемены. Счастливым сезон, увы, быстро закончился, оставив в памяти лишь восхитительные воспоминания, возвышающиеся над непритязательной и слякотной равниной бренной жизни.

Я путано излагаю свои мысли. Нет, хуже того, я становлюсь романтическим и сентиментальным, хотя всегда считал недостойным и даже презирал эти людские качества. Итак, вернёмся к главному: к наследству. Посоветуйте, как безопасно передать его в ваши руки через Английский канал. К сожалению, размеры сего имущества весьма неудобны: оно слишком велико и его невозможно скрытно перевезти за пазухой, но недостаточно большое, чтобы его ценность послужила надёжной защитой от роковых превратностей судьбы. По сути, причины его гибели могут быть самыми простыми — море, огонь, воздух или даже людская небрежность.

Я прошу вас не медлить с ответом. Безусловно, в отличие от вас и ваших сторонников я не спешу лично познать божественный образ и нрав моего Создателя, но боюсь, что уже в ближайшем будущем мне окажут честь, пригласив на небесное собеседование. Бог, как известно, бывает прихотлив в своих привязанностях.

С неизменной преданностью,

ваш Уилл Сомерс.

Кэтрин Кэри Поллис — Уильяму Сомерсу

Базель. 11 июня 1557 года

Мой дорогой Уилл!

Прошу прощения за то, что вам так долго пришлось ждать ответа. В нынешние времена мало осталось курьеров, способных открыто доставить корреспонденцию из Англии к нам в изгнание, — об этом позаботилась королева. Однако, при всем доверии к избранному посланнику, я надеюсь, что, прочитав письмо, из благоразумной осторожности вы сразу уничтожите его.

Мне печально слышать о вашем пошатнувшемся здоровье. Но вы, любимый шут короля Генриха, бывали склонны к преувеличениям в своих высказываниях, и я молю Господа, чтобы ваше сообщение оказалось всего лишь очередным примером шутовского искусства. Мы с Фрэнсисом молимся за вас еженощно. Наши богослужения не имеют никакого отношения к презренному идолопоклонничеству, которое попросту пародирует божественные обряды, мы лишь возносим Всевышнему наши личные молитвы (о, если бы королева могла это увидеть!). Здесь, в Базеле, мы ведем праведную жизнь. У нас достаточно одежды, чтобы не мерзнуть, достаточно пищи, чтобы поддерживать свои силы, не боясь разжиреть от чревоугодия, ибо таковое оскорбительно для Господа, ведь множество Его созданий прозябают в нужде, терпят голод и холод. Однако у нас осталось главное богатство — свобода следовать голосу совести. В Англии вас лишили такого блага. Паписты уничтожили его. Мы просим у Бога, чтобы бремя этого тиранства сняли с ваших плеч и явился новый Моисей, дабы вывести вас из духовного рабства.

Но о каком наследстве вы упомянули? Я заинтригована. Мой батюшка скончался в 1528 году, когда мне сравнялось всего шесть. Почему же вы ждали почти тридцать лет, чтобы передать мне семейные реликвии? Разве могло быть в них нечто непристойное или изменническое? Меня также озадачило одно ваше выражение. Вы упомянули о врагах отца. Но у него не было врагов. Уильям Кэри считался верным другом короля и благородным человеком. Я знаю это не только от моей матушки. Отца ценили при дворе, и многих огорчила его безвременная кончина от чумы. Я благодарна, что вы все-таки вспомнили обо мне, но если бы его наследство обнаружилось раньше... Нет-нет, я не виню вас. Тем не менее я сумела бы понять батюшку и прежде. Хорошо, когда дети понимают родителей до того, как сами становятся взрослыми.

Конечно, я помню то лето в Хевере. И дядюшку Джорджа, и вас, и короля. В детстве мне казалось, что он ангельски красив. Безуслов-

но, он отличался прекрасным телосложением (не замешан ли тут сам дьявол?) и, должна признать, величественной наружностью. Не все государи так щедро одарены; Эдуарду определенно недоставало представительности, не говоря уже о нынешней королеве...

К сожалению, придется признать, что я запаматовала имя садовника. Возможно, оно начинается на букву Д... Зато сад, что раскинулся за рвом, так и стоит у меня перед глазами. Роскошные клумбы украшали склоны, и благодаря заботам того безымянного садовника цветение в саду продолжалось с середины марта до середины ноября. Всех поражало такое изобилие цветов. Весь наш небольшой хеверский манор¹ был уставлен многочисленными вазами, в которых красовались букеты. Странно, что вы решили напомнить мне о мускусных розах; я в детстве больше любила штокрозы с большими тяжелыми головками.

Ваше известие о Кранмере также опечалило меня. Все-таки мы с ним придерживались одних взглядов. Я тоже полагала, что ему пришлось играть роль пешки в игре власть имущих. Уверена, что он удостоился венца и «счастлив на небесах» (как говорил заблудший страдалец Томас Мор). Мор, возможно, пребывает там же, причем вопреки своей ошибочной верности. Если бы он держал паруса по ветру, то прожил бы гораздо дольше и, без сомнения, примкнул бы к тем, кто осудил Кранмера. Мор был злейшим врагом любого инакомыслия и поэтому не пользовался нашим уважением. Его кончина лишь уменьшила число наших преследователей. Да, их осталось еще много, но время благосклонно к нам, и с каждым годом наши ряды неуклонно крепнут и растут.

Вам, приверженцу старых традиций, трудно понять нас, тем более что вашим девизом всегда была осторожность. Однако, как говорил Гамалиил, фарисейский законник, в отношении преследования первых христиан, «...если это предприятие и это дело — от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками». Так сказано в пятой главе Деяний. Если у вас нет под рукой перевода Писания (полагаю, королева приказала уничтожить священные тексты), то я могу устроить для вас пересылку одного экземпляра. Один наш верный друг ведет дела в Лондоне, и он сумеет позаботиться о безопасной переправе. Мой курьер сообщит вам его имя, и мы обменяемся посылками. Хотя, думаю, каким бы ни оказалось наследство, оно не может быть более ценным, чем Писание.

Вечно преданная вам христианка,

Кэтрин Кэри Ноллис.

¹ Манор — феодальная вотчина в средневековой Англии.

Уилл Сомерс — Кэтрин Ноллис

Кент. 21 июля 1557 года

Милая Кэтрин.

Ваши молитвы, должно быть, возымели целительное действие, ибо силы мои начали восстанавливаться. Господь, очевидно, отложил нашу встречу до более удобной нам обоим поры. Как вы понимаете, я избегаю общения и с лекарями, и со священниками. Последние сорок лет я не обращался за помощью ни к тем, ни к другим. И полагаю, что прожил так долго именно благодаря моему своеобразному и избирательному затворничеству. Мне никогда не пускали кровь, никто не натирал меня жемчужной мазью (которой столь неумеренно пользовался Гарри), и меня не волновало, в какие одеяния облачаются нынешние первосвященники. Я ни в коей мере не хочу обижать вас, Кэтрин. Но верю я лишь в быстротечность всего сущего. Формы религии также преходящи. Совсем недавно непреложными считались пять месс в день — да и Гарри ревностно исполнял их! — и паломничества к Уолсингемскому святилищу Девы Марии; потом начались библейские искания и проповеди; теперь вновь возобладали мессы, да вдобавок запылали костры. А что будет потом, кто знает? Пожалуйста, молитесь тому женевскому богу, которого создало ваше воображение. Пока он имеет могущество. Возможно, есть нечто запредельное, более возвышенное, чем обычные виды поклонения. Но что именно, мне неизвестно. Мое дело неизменно востребовано, и цель его — попросту отвлекать людское внимание от перемен, утрат и крушений, пока на заднем плане меняются декорации.

Кэтрин, умоляю, не присылайте мне Писание или его переводы. Мне они совершенно не нужны, и я не желаю держать их у себя. Неужели вы не понимаете, в какое опасное положение меня это поставит? При чем такой риск ничем не будет оправдан. Мне приходилось читать эти книги (в действительности пришлось серьезно поразмыслить над ними, дабы со знанием дела подшучивать над Гарри на людях и в личных беседах, когда Кранмер или последняя супруга короля не могли выкроить время для споров с Генрихом на его излюбленную теологическую тему). Я остался необращенным по причине полной незаинтересованности в обращении. А учитывая, как трудно нынче найти и тайно провезти подобные сочинения, я надеюсь, что ваши усилия будут вознаграждены, если вы отдадите сии дары достойному восприемнику.

Тем не менее мне необходимо переговорить с вашим человеком о пересылке наследства. Пора покончить с таинственностью и объяснить-

ся. То, о чем идет речь, — дневник. Его написал ваш отец. Сей труд необычайно ценен, и многим хотелось бы уничтожить его. Уже стало известно о его существовании, но до сих пор деятельность заинтересованных особ ограничивалась распросами герцога Норфолка, оставшихся в живых Сеймуров и даже лорда Клинтона, овдовевшего после кончины Бесси Блаунт. Рано или поздно ищeyки разнюхают, что следы ведут ко мне в Кент.

Итак, осталось открыть вам последнюю тайну. Этот дневник вел не Уильям Кэри, не предполагаемый ваш отец, а настоящий. Король.

Кэтрин Ноллис — Уиллу Сомерсу

Базель. 30 сентября 1557 года

Уилл, король не мог быть моим отцом. Как смеете вы оскорблять моих мать и отца и меня саму! Чье давнее прошлое вы разворошили, чтобы выкопать столь гнусную ложь? А я-то считала вас своим другом! Я не желаю видеть этот дневник. Оставьте его при себе со всеми вашими низкими и отвратительными домыслами! Неудивительно, что король приблизил вас к себе. Вы оба родственные души: вульгарные натуры, склонные к подлым обманам. Христос учил нас прощать, но также говорил, что, выходя из дома или города, заполненного лжецами, язычниками и прочими грешниками, следует потрясти прах от ног своих¹. Именно так и должна я потряхнуться.

Уилл Сомерс — Кэтрин Ноллис

Кент. 14 ноября 1557 года

Кэтрин, дорогая!

Удержитесь, прошу вас, от желания порвать это письмо на кусочки, даже не прочитав его. Я не виню вас за вспышку негодования. Она характеризует вас с прекрасной стороны. Парадигма возмущенной чувствительной души, моральных принципов и всего прочего. (Достойная, поистине, покойного короля! Ах, какие воспоминания вы вернули к жизни!) Но все-таки сами себе признайтесь в том, что ваш отец — Генрих Тюдор. Этим знанием вы обладали всегда. Вы упомянули об оскорблении вашего отца. Желаете ли вы так же поступить с королем, отказавшись признать его реальность? Вероятно, его глав-

¹ Пересказываются слова Евангелия от Матфея, 10: 14.

ная добродетель (да, миледи, он обладал добродетелями) и высший дар заключались в умении принять действительность, вне зависимости от того, какой она представлялась общему мнению. Разве вы не унаследовали этот дар? Или хотите уподобиться вашей единокровной сестре, королеве Марии (я тоже сожалею о вашем родстве с ней), ослепленной страстями и плачевно неспособной различить даже то, что маячит перед ее слабыми глазами? У вашей другой сводной сестры, Елизаветы, иная натура, как и у вас, я полагаю. На мой взгляд, именно смещение кровей Болейнов и Тюдоров дает единственно четкое и ясное видение, не омраченное испанской чепухой. Но я прихожу к выводу, что заблуждался. Вы так же несправедливы, глупы и исполнены религиозной желчи, как нынешняя испанская королева. Следовательно, король Генри сгинул безвозвратно. И об этом позаботились его долгожданные дети.

Кэтрин Поллис — Уиллу Сомерсу

Базель. 5 января 1558 года

Уилл!

Ваши оскорбления требуют ответа. Вы заявляете, что я без малейшего почтения отношусь к памяти моего настоящего отца. Но если в моих жилах и вправду течет его кровь, то разве сам он не нанес мне тяжкую обиду, не признав своей дочерью? (В отличие от Генри Фицроя, отпрыска блудницы Бесси Блаунт, которому был пожалован титул герцога Ричмонда.) Почему же тогда я должна признавать или уважать его? Сначала он соблазнил мою мать еще до ее замужества, а впоследствии — если верить вашим словам — продолжал наставлять рога ее законному супругу. Такое поведение заслуживает осуждения. Он всю жизнь грешил и сеял на пути своем лишь ужас и страх. Единственное его благо деяние и то было порождено грешными помыслами, ибо причиной разрыва с папой стало вождеделение Генриха к моей тетушке Анне Болейн. (Так Владыка Небесный использует для своих целей даже грешников. Но сие есть заслуга Всевышнего, а не покойного монарха.) Я презираю короля и его воспоминания! Что касается моей кузины, принцессы Елизаветы (ведь для меня она дочь сестры моей матери, и не более), то я молю, чтобы она смогла... Нет, такие мысли слишком опасно доверять бумаге, несмотря на доверие к посыльным и получателям.

Живите, как вам заблагорассудится, Уилл. Я не желаю больше получать от вас письма.

Уилл Сомерс — Кэтрин Ноллис

Кент. 15 марта 1558 года

Кэтрин, призываю вас к терпению. В вашем смятенном письме было много пустого — за исключением одного вопроса, который кажется мне важным. Вы спросили: «...разве сам он не нанес мне тяжкую обиду, не признав своей дочерью?»

Ответ вам известен: Генрих отказался от своих изначальных честных намерений из-за той ведьмы (вновь мне придется оскорбить ваши чувства) Анны Болейн. Она попыталась отравить герцога Ричмонда. Представьте, что ее коварные замыслы обратились бы против вас! Кстати, ваша тетушка не гнушалась колдовством. Как же сильно отличалась от нее ваша матушка! Ее обаяние и привлекательность были врожденными, естественными и такими же чистыми и честными, как и все ее мысли и образ жизни. Из-за них она пострадала там, где преуспела злая ворожея. Честность редко остается безнаказанной, и, как вы знаете, ваша мать не достигла должного положения и благополучия. Король признал бы вас и, вероятно, вашего брата (правда, во втором случае он испытывал меньше уверенности в своем отцовстве), если бы ему не помешала эта колдунья. Она ревновала, ужасно ревновала к вашей доброй родительнице, хотя, Богу известно, сама предоставляла королю множество поводов для ревности: даже всемирное восхищение не удовлетворило бы ведьму, она жаждала поклонения всех придворных льстецов. В конце концов Анна заявила: король, дескать, наградил ее мученическим венцом, лишив мирских почестей. Смех, да и только! Не все казненные являются мучениками. Она пыталась высидеть до Томаса Бекета и даже до Томаса Мора, но ничего у нее не вышло. Ей не удалось снискать посмертный почет и высшую славу.

Итак, вам следует принять сей дневник. Если у вас не хватит духу примириться с истиной, то сохраните его для вашей... родственницы, принцессы Елизаветы до того времени, когда... Я тоже не смею говорить здесь более откровенно. Это слишком опасно, и ощущение удавки не кажется привлекательным даже для моей дряблой старческой шеи. Сейчас я не могу отдать записки короля в руки принцессы, хотя — и вы явно дали это понять — она могла бы стать более очевидной наследницей. Ее окружают шпионы, за ней постоянно следят. Мария хочет отправить ее обратно в Тауэр и позаботиться о том, чтобы она оттуда никогда не вышла.

Должно быть, вас удивляет, почему королевский дневник попал ко мне. Как вам известно (впрочем, напрасная уверенность: просто нам нравится думать, что наши биографии всем важны, интересны и зна-

комы), король Генри впервые увидел меня, когда мой хозяин, торговец шерстью из Кале, прибыл во дворец на аудиенцию. Тогда шутство еще не стало моим ремеслом, и я был всего лишь юным подмастерьем, коему разрешили побездельничать на дворцовой галерее. Не имея возможности для более приятных занятий, скажем для сна или винопития, я предавался любимому развлечению: болтовне. Королю довелось услышать ее; остальное, как обычно говорится, уже история (вот только чья?). Он взял меня к себе на службу, выдал колпак с колокольчиками, однако впоследствии нас связали узы гораздо более крепкие, чего я в то время не осознавал. Мы вместе выросли и вместе постарели; но здесь мне следует написать, каким был Гарри в те годы. Солнце вечно слепит нам глаза... да, оно заставило зажмуриться даже меня, циничного Уилла. Мы сроднились, как братья, а когда он лежал на смертном одре в Уайтхолле, я оставался единственным, кто знал его молодым.

Однако я отвлекся. Вернемся к дневнику. Я познакомился с Гарри в 1525 году (незадолго до того, как его околдовала эта ведьма). Тогда он ежедневно пополнял некий журнал черновыми замечаниями. Позднее — уже после унижительного скандала с Екатериной Говард, его пятой, с позволения сказать, королевой, — Гарри, страдая от тяжелой болезни, начал вести личный дневник, дабы убить время и отвлечься от боли в ноге, а также от интриг и козней, что упорно плели вокруг него. О да, дитя, он понимал, что теряет власть, и видел, что при дворе в ожидании его смерти уже формируются разные партии. Поэтому открыто он раздражался бранью, а свои мысли записывал втайне.

Перед кончиной он делал лишь краткие заметки, которые — о неисправимый жизнелюб! — собирался пояснить как-нибудь потом. (Все-го за месяц до смерти он заказал для сада фруктовые деревья. Они могли начать плодоносить не раньше чем через десять лет. Какая ирония: мне сообщили, что в прошлом году они наконец зацвели, а Мария приказала оборвать весь цвет. Если уж ей суждено остаться бесплодной, то и королевский сад должен уподобиться королевской особе.) Но пояснений Генрих так и не дал — видно, не пожелал. Я решил приложить к дневнику эти последние заметки наряду с моими собственными замечаниями и комментариями. Сначала я подумывал о том, не следует ли вовсе уничтожить дневник, но когда принялся читать, то мне показалось, будто сам Генри вновь заговорил со мной, и у меня, как обычно, не хватило духу прервать его. Вы понимаете, старые привычки порой сильнее нас... Я полагал, что успел хорошо узнать Гарри, но в этих записках передо мной предстал другой, неизвестный мне человек — и сие наверняка доказывает, что мы порой не знаем даже самих себя.

Да, я начал говорить о том, как попал ко мне этот дневник. Ответ прост: я его украл. Все, что даже отдаленно связано с покойным королем или традициями былых времен, могли уничтожить сначала реформаторы, а теперь паписты. Первые били стекла в церквях, а вторые, судя по слухам, пошли еще дальше в своих зверствах, и я даже опасюсь писать о них. Говорят, приспешники королевы тайно извлекли тело Генриха — ее собственного отца! — из могилы, сожгли его и бросили в Темзу! Поистине чудовищное злодеяние!

Таким образом, дневник является последним земным наследием короля. Неужели вы поступите по чудовищному примеру его преемницы и предадите огню эти бесценные страницы? Если вы не считаете себя кровным отпрыском Генриха (во всяком случае, настаиваете на этом), то станьте для него лучшей дочерью, чем законнорожденная.

Какая смехотворная ситуация. Но смех, в сущности, самое цивилизованное из доступных нам проявлений чувств. Шутки сглаживают острые углы и делают нас более терпимыми. Гарри понимал юмор. Вероятно, я могу подшутить и над собой, преступив границы собственного призвания.

Да пребудет с вами благословение вашего таинственного бога.

Прилагаю к сему письму королевский дневник.

Должен заметить, что Бесси Блаунт не была блудницей.

Уилл

ДНЕВНИК ГЕНРИХА VIII

1

Вчера один болван поинтересовался, какое первое событие детства сохранилось в моей памяти, явно ожидая, что я радостно предамся сентиментальным детским воспоминаниям, коими положено наслаждаться чудаковатым старикам. Он страшно удивился, когда я приказал ему убираться вон.

Но его любопытство все-таки причинило известный ущерб: ведь мне не удалось с такой же легкостью отделаться от собственных дум. Перед моим мысленным взором пронеслись картины детства, но какую из них я мог бы назвать самым ранним впечатлением? Так или иначе, никто не назвал бы его приятным. Уж в этом я уверен.

Должно быть, я помню себя лет с шести... Нет, моя сестра Мария родилась, когда мне исполнилось пять. Точно. А годом раньше умерла другая моя сестра, Елизавета, и это ужасно поразило меня. Значит, мне было три года?.. Наверное. Да. Именно тогда меня удостоили возторженных поздравлений... И в то самое время мне запали в душу слова «всего лишь второй сын».

Стоял чудный летний денек — жаркий и тихий. Я собирался отправиться с отцом в Вестминстерский дворец на церемонию пожалования титулов и званий. Король долго репетировал со мной весь ритуал, пока я не запомнил его назубок: поклоны, падения ниц перед владыкой Англии и проходы по залу. Мне пришлось пройти ритуальную науку, поскольку предстояло присутствовать на королевской аудиенции.

— Никогда не поворачивайтесь спиной к королю, — пояснил батюшка.

— Несмотря на то, что вы мой отец?

— Несмотря ни на что, — серьезно ответил он. — Ведь я еще и ваш король. Сегодня я произведу вас в рыцари ордена Бани. Перед посвящением вас оденут как отшельника. А потом вы вновь войдете в зал